

Современный театр решительно отверг услуги гримеров. Актер не должен закрывать своего лица не только маской, но даже и гримом. Трудно представить себя сегодня разрисованные морщинами, подтушеванные тенями, залепленные гуммозом, украшенные париками лица артистов. Душевная жизнь обнажена, лицо незащищено и открыто. Все так.

А если рисунок мастера не замечен, если парик не ощущается, если наклейки естественны? Может быть, мы иногда отказываемся от четкой портретной характеристики героя лишь потому, что излишне грубыми оказываются выразительные средства гримера?

Переберем старые театральные фотографии. Среди портретов, отпугивающих приклеенными бородами, усами, бакенбардами, париками, мы отыщем нетленные шедевры, поражающие точностью характеристики, слиянием лица артиста с лицом героя, — классику гримерного искусства... Станиславский — Фамусов, Хмелев — Пеклеванов, Москвин — Ноздрев, Качалов — Барон, Тарасова — Анна Каренина, Коонен — мадам Бовари...

«Марусе Ершовой, моему доброму другу, неизменному спутнику моих выступлений» — дарственная надпись Алисы Коонен, адресованная соавтору сценического портрета Эммы Бовари.

Маруса Ершова была направлена в Камерный театр объединенной комсомольской организацией работников искусства Краснопресненского района в 1927 году. В ту пору гримеры дипломов не получали. Мастерство передавалось из рук в руки. Были бы у ученика чуткие пальцы, верный глаз и художественная интуи-

хочу рассказать о...

Мария
Сергеевна
ЕРШОВОЙ

ЖИВЫЕ ПОРТРЕТЫ

ция. Да еще любовь к делу. Все это в избытке оказалось у комсомолки Ершовой, учившейся у старого мастера Веденкиной.

Университеты Ершовой — ее работа с выдающимися режиссерами — Таировым, Диким, Петровым, Бабочкиным, Тумановым, Равенских, Кнебель; сотрудничество с замечательными художниками — Рындиным, Пименовым, Коваленко и Кривошеиной; долгие часы, проведенные у гримировального зеркала с Коонен, Равенской, Викландт, Скопиной, Гриценко, Антонюк...

Ее послужной список — многие спектакли, вписанные в историю советского театра. Только перечитывая рецензии на «Мадам Бовари», «Тени», «Иванова», «Поднятую целину», «Обломова» или «Судьбу человека», мы не найдем в них упоминания имени Марии Сергеевны Ершовой. Может быть, это и есть самая высокая оценка работы мастера, чей труд без остатка растворился в творчестве режиссера, художника, артистов.

Она работает уверенно, не спеша. Без показного шума. Без такой нервной суеты, которую мы нередко принимаем за энтузиазм. Деловито. Суховато. Точно. Не припомню

случая, чтобы Ершова вступала в спор с художником или режиссером. Она могла быть с ними не согласна — об этом удавалось догадаться по выражению ее лица, но спокойно проверяла, пробовала, старалась перевести их не всегда четкие пожелания на язык грима. Она не отстаивала свою точку зрения в словесных сражениях, ибо старалась понять, хотела подчинить свою работу целому — сверхзадаче, замыслу всего спектакля. И подчиняла, привнося в спектакль незаметное, нешумное обязательно свое, «ершовское».

Рабочий день ее нормирован собственной требовательностью и потому не имеет границ. Задолго до начала спектакля появляется Мария Сергеевна в театре — все проверить, подготовить, сосредоточиться. У нее свой почерк, стиль, своя манера работы. И эту манеру давно усвоил руководимый ею гримерный цех Театра имени Пушкина. Режиссеры, артисты, художники знают: здесь не подведут, сделают в срок и хорошо.

Заслуженный работник культуры РСФСР, Мария Сергеевна Ершова начинает свой пятидесятый творческий год в театре на Тверском бульваре. Даже самый строгий ревнитель современной достоверности, только что отпрянувший от стекла телевизора, не заметит сегодня на лицах актеров Театра имени Пушкина грима, наклеен, париков. Подобный аскетизм — не от бедности, а от богатства выразительных средств.

Вы не обнаружите следов труда Ершовой — слишком он велик! В ее таланте — приметы той трудной, некрикливой профессии, которой посвящена жизнь.

О. ЛАРИОНОВ.